

Басенные и фольклорные источники не объясняют проблематики, к которой обращается Хемницер. Но она обычна для его эпохи. Одна из основных проблем русской сатиры XVIII века — ложное просвещение в противопоставлении истинному.

Ложное просвещение понимается, прежде всего, как бездумное подражание иностранцам.²⁵ Для русской культуры эта проблема особенно актуальна благодаря вестернизации — наследию Петровской эпохи. Впрочем, подобную проблематику разрабатывают и зарубежные писатели — например, Л. Гольберг в комедии «Jean de France». В это время русские сатирики не раз выводят молодого человека, вернувшегося из-за границы хуже, чем был до отъезда. Таков, например, Иванушка из «Бригадира» Д. И. Фонвизина (комедия Гольберга, видимо, служит русскому драматургу образцом²⁶). Сатирические «Ведомости» в журнале Н. И. Новикова «Труть» изображают «молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею».²⁷ Подобный герой действует и у Хемницера.

Применение сюжетов басни и народного анекдота к этой проблеме раскрывает ее с неожиданной стороны. Обычно сатирики XVIII века обличают подражание иностранной (прежде всего французской) моде, внимание к внешности, а не к уму. Типичный сатирический персонаж этой эпохи — щеголь, который принимает за просвещение знание французского языка, умение вести светскую беседу и петь любовные «арии». У Хемницера вопрос ставится иначе. Речь действительно идет о философских размышлениях;²⁸ бесполезными сатирик признает именно их.

Характер этих абстрактных, оторванных от реальности раздумий персонажа ведет еще к одному аспекту проблемы ложного просвещения. Возможно, здесь можно видеть антимасонскую полемику. Как и многие современники, Хемницер отвергает претензии масонов на мудрость, противопоставляя их умозрительным рассуждениям естественно-научное знание.²⁹

Соединяя знакомые сюжеты, Хемницер формулирует актуальный общественный вопрос своей эпохи на языке древней литературной и фольклорной традиции. Проблема современности переносится в сферу архетипов. Возможно, этот синтез и определяет исторический успех его басни.

²⁵ Рогов К. Ю. Идея «комедии нравов» в начале XIX века в России. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. С. 3–4.

²⁶ Веселовский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд., доп. М., 1916. С. 82–83.

²⁷ Труть. 1769. № 6. Статья 8. С. 45–46.

²⁸ См.: Вацуро В. Э. К вопросу о философских взглядах Хемницера // XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6. Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. С. 134.

²⁹ Марасинова Е. Н. И. И. Хемницер — писатель и дипломат // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 234.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-73-86

© Н. А. Хохлова

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. И. ТУРГЕНЕВА (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ) ЧАСТЬ 1

С. Ф. Платонов в «Лекциях по русской истории» так описывал становление русской исторической школы: «Впервые ряд научно-критических приемов в изучение русской истории внес <...> Шлецер (1735–1809). <...> Выехав из России и будучи

профессором Геттингенского университета, он неустанно работал над теми выписками из летописей, которые ему удалось вывезти из России. Результатом этой работы был знаменитый труд, напечатанный под заглавием „*Нестор*“. <...> Труд его далеко оставил за собою все прочие по степени научного сознания и приемов автора. Эти приемы создали у нас как бы школу учеников Шлецера, первых ученых исследователей, вроде М. П. Погодина. После Шлецера стали возможны у нас строгие исторические изыскания, для которых, правда, создавались благоприятные условия и в другой среде, во главе которой стоял *Миллер*. Среди собранных им в Архиве Иностранной коллегии людей особенно выдавались Штриттер, Малиновский, Бантыш-Каменский. Они создали первую школу ученых архивариусов, которыми Архив был приведен в полный порядок и которые <...> производили ряд серьезных ученых изысканий <...>.

В начале XIX века создался, наконец, и первый цельный взгляд на русское историческое прошлое в известной „Истории государства Российского“ *Н. М. Карамзина*. <...> Свою систему русской истории Карамзин изложил увлекательным для своего времени языком, а свой рассказ он основал на многочисленных изысканиях, которые и до нашего времени сохраняют за его Историей важное ученое значение».¹

Биография А. И. Тургенева-историка уникальна: ему довелось пройти все эти «школы». Первым местом его службы был Московский Главный архив Коллегии иностранных дел, а первым «начальником по службе» — легендарный ученый-архивариус Н. Н. Бантыш-Каменский. Впоследствии Тургенев стал деятельным «разработчиком» этого Архива.²

Его научные интересы сложились в Геттингенском университете под руководством профессора А.-Л. Шлецера. Тургенев был не только лучшим его русским студентом, но и личным другом; принимал посильное участие в составлении «*Нестора*».³

Вернувшись в Россию, он стал очевидцем работы Карамзина над «Историей государства Российского», а вскоре — его самым ревностным помощником. Тургенев — современник и непосредственный участник эпохи небывалого научного энтузиазма — деятельности исторических обществ, Румянцевского кружка, экспедиций К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева, Археографической комиссии.

Результатом его собственной работы, которой он посвятил около 20 лет жизни, проведенных за границей, стало двухтомное издание «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым», осуществленное Археографической комиссией в 1841–1842 годах, а также ряд публикаций. Тургенев собрал огромную коллекцию копий с исторических документов, которая при его жизни была открыта всем заинтересованным лицам и которая поныне хранится в его архиве.

Он не был академическим ученым, точнее, не стал им, отказавшись от той стези, которую предначертал ему Шлецер. Однако несомненно, что биография Тургенева, уникальная с точки зрения научных достижений, богатства событий и разнообразия знакомств, должна быть предметом специального изучения, о чем писал А. А. Сабуров еще в 1939 году: «У Ал. И. Тургенева есть еще одна заслуга, оцененная значительно менее, чем его заграничные корреспонденции. Он — один из основоположников русского исторического источниковедения. Если бы он не был либеральным посетителем европейских салонов и плодотворным корреспондентом русских писателей, а только

¹ Платонов С. Ф. Очерк русской историографии // Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. Пг., 1917. С. 10–11.

² Служба в Архиве (в должности юнкера, а затем переводчика) продолжалась полтора года: с июня 1800-го по январь 1802 года, когда Тургенев надолго уехал с родителями в Петербург, а затем отправился в Геттингенский университет. Хотя с ее фактической стороны практически ничего не известно, можно утверждать, что для 16-летнего Тургенева, как и для других «архивных юношей», она была, в сущности, номинальной, являясь начальной ступенью к статской службе. В иной проекции — в перспективе научной биографии Тургенева — этот краткий период предстает не как формальный эпизод, а как своего рода пропилеи его археографической деятельности.

³ *Нестор. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache / Verglichen, von Schreibfehlern und Interpolationen möglich gereinigt, erklärt, und übersetzt, von A. L. von Schlözer. Göttingen, 1802–1809. Т. 1–5.*

собирателем исторических актов, касающихся России, если бы эта его работа не была заслонена образом беспорядочного интеллигента, историческая наука, наверное, дала бы ему надлежащую оценку».⁴

«Надлежащей оценки» до сих пор нет. Тургенев-литератор и общественный деятель «заслоняют» Тургенева-историка даже в специальных работах. По интересующей нас теме существует лишь одно исследование — диссертация М. Б. Мокроусовой «Исторические взгляды и археографическая деятельность А. И. Тургенева».⁵ Первую ее часть, в высшей степени идеологически ангажированную, следует признать устаревшей. Вторая представляет интерес как свод фактических сведений, собранный с большой тщательностью и структурно хорошо организованный. В сжатом изложении диссертация увидела свет в виде статьи (к сожалению, крайне ограниченного объема) «А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России». Свои задачи автор определила так: «...по свидетельствам дневников, писем, корреспонденций и коллекции исторических источников, принадлежавшей А. И. Тургеневу, восстановить историю его работы в архивах Европы и дать представление о содержании, публикации и использовании найденных им исторических документов».⁶ Исследование Мокроусовой, отнюдь не исчерпав тему, заложило основы для ее дальнейшего изучения. Вне поля зрения оказался биографический аспект, личные и служебные обстоятельства, в которых разворачивалась деятельность Тургенева-археографа. «Главной причиной, — писала М. Б. Мокроусова, — помешавшей полному осуществлению его замыслов, были препятствия со стороны царских чиновников при издании документов. Все это ограничило рамки работы А. И. Тургенева частным собирательством».⁷

Попытаемся, по возможности, восстановить подлинную картину. В настоящей статье мы ставим весьма частную задачу — исследовать обстоятельства (главным образом служебные), в которых протекала археографическая деятельность Тургенева.⁸

Отправляясь в Германию, в Геттингенский университет, Тургенев мыслил себя литератором. За два учебных года, которые он провел там (1802–1804), произошли колоссальные изменения в его мировоззрении, интеллектуальных устремлениях, во всем духовном облике. Шлецер «влил в меня охоту ко всему, что касается до Истории великого моего Отечества», — признавался Тургенев в дневнике 1803 года.⁹ «Именно в первый осенний семестр 1802–1803 гг., — пишет Е. Л. Рудницкая, — Шлецер начал читать „Историю северных государств. Наиболее Российской империи“. Это был вообще первый университетский курс русской истории».¹⁰

Как известно, основным источником сведений о взаимоотношениях Шлецера и Тургенева являются дневники и письма последнего, относящиеся к геттингенскому периоду (они составляют второй выпуск «Архива братьев Тургеневых»). Достаточно сказать, что на 500 страницах этой книги имя Шлецера — подлинно кумира — упоминается 312 раз!

Под его руководством Тургенев сложился как историк-источниковед, археограф, у него появились первые публикации и серьезные научные замыслы. Сохранился

⁴ Сабуров А. А. Александр Тургенев // Письма Александра Тургенева Булгаковым / Подг. текста, вступ. статья и комм. А. А. Сабурова. М., 1939. С. 21.

⁵ Мокроусова М. Б. Исторические взгляды и археографическая деятельность А. И. Тургенева. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.

⁶ Мокроусова М. Б. А. И. Тургенев — собиратель источников по истории России // Советские архивы. 1974. № 4. С. 37.

⁷ Мокроусова М. Б. Исторические взгляды и археографическая деятельность А. И. Тургенева. С. 17.

⁸ Работа основана на материалах архива братьев Тургеневых (Ф. 309), хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Далее при цитировании материалов этого фонда указываются номер единицы хранения (с пометой «ст.», т. е. по старому описанию) и лист.

⁹ Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева Геттингенского периода (1802–1804 гг.) и письма его к А. С. Кайсарову и братьям в Геттинген 1805–1811 гг. / С введением и прим. В. М. Истрина. С. 244.

¹⁰ Рудницкая Е. Л. Александр Иванович Тургенев // Тургенев А. И., Тургенев Н. И. Избр. труды. М., 2010. С. 11.

объемный «журнал» под названием «Выписки. 1803–1804», дающий зримое представление о научной подготовке геттингенского студента (Ед. хр. ст. 2063. 114 л.). Он содержит обширные реестры книг по русской истории, выписки, мысли, проекты предполагаемых работ. Вот некоторые из них: «описать системы Гоббса, Пуфендорфа и Руссо и представить различия их» (л. 69); «выдать в России снова Шлецерovy сочинения на русском» (л. 70); подготовить «Собрание трактатов: торговых, мирных и пр., заключенных Россиею с прочими как европейскими, так и азиатскими государствами, расположив по хронологическому порядку» (л. 70 об.); «постараться с помощью Московского архива и особенно Каменского выдать начало русской дипломатики» (л. 76);¹¹ «написать особую диссертацию о крещении Владимира вел<ико>» (л. 79).

Путешествие по славянским землям, предпринятое вместе с А. С. Кайсаровым во второй половине 1804 года, было в точном смысле научной экспедицией — первым опытом применения на практике пройденной в Геттингене школы (заметим: спустя десятилетие подобные экспедиции станут неотъемлемой частью работы Румянцевского кружка). В ходе путешествия велись исторические, лингвистические, фольклорно-этнографические и археографические разыскания. Недавние студенты стали первыми русскими исследователями монастырских библиотек, где снимали копии с документов.¹²

В Геттингене Тургенев начал собирательскую деятельность: посещал аукционы, приобретал рукописи и книги. «Приехав в Москву, первое мое старание будет собирать, сколько можно, совершенную библиотеку для Русской Истории, между прочим, и источников ее (Urkunden), особливо в Московском архиве, где еще и по сию пору множество лежит неизвестных сокровищ...» — записал он в дневнике 9 июня (28 мая) 1803 года.¹³ Изучение истории России, коллекционирование источников было органической частью просветительских воззрений, усвоенных Тургеньевым еще в отеческом доме, а в сословном отношении могло рассматриваться как обязанность русского просвещенного дворянина.

Шлецер-публицист, признанный авторитет в европейской политике, оказал также мощное воздействие на формирование историософских и политических взглядов своего студента. По образному выражению Г. Леман-Карли, последний «не только получил в Геттингене образование историка „старой“ России, но и обрел статус свободно мыслящего государственного деятеля „новой“ России».¹⁴ По-видимому, именно в эти годы Тургенев впервые высказал сомнение в легитимности крепостного права: «приехав в Россию, — записал он в упомянутом выше „журнале“, — задать вопрос русским историкам: с какого времени и по какому случаю произошло в России рабство? Можно доказать, говорит Шлецер, из Судебника, что при Иване Васильевиче еще его не было» (Ед. хр. ст. 2063. Л. 71).

Безусловный сторонник просвещенной монархии, видя «дней Александровых прекрасное начало», он воспринимал свое студенчество как необходимый «приуготовительный» этап к государственной службе. Эта тема — один из лейтмотивов его писем к родителям; зачастую она приобретает полемический оттенок, как, например, в письме от 25 января 1804 года: «По приказанию вашему и зная à peu près ход дел в России, я, конечно, должен готовиться ко всякому роду службы; но ведь вам известно, что здесь

¹¹ Имеется в виду Н. Н. Бантыш-Каменский. Свыше 35 лет он работал над сводом документов по истории русской дипломатии, который увидел свет лишь на рубеже XIX–XX веков: *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год): В 4 ч. М., 1894–1902.

¹² Об этом путешествии см.: *Истрин В. М.* Русские путешественники по славянским землям в начале XIX в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. № 9. С. 104–106; *Лотман Ю. М.* Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий» // Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1958. Вып. 1. С. 191–193 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 65).

¹³ Архив братьев Тургеньевых. Вып. 2. С. 225.

¹⁴ *Леман-Карли Г.* Взгляды геттингенских историков на российскую историю и проблема «древней» и «новой» России (А.-Л. Шлецер, А. И. Тургенев, Н. М. Карамзин) // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей и мыслителей XVIII–XX вв.). СПб., 1997. Вып. 2. С. 56.

нельзя получить навыку или способности работать со временем по делам Канцелярии.¹⁵ Мне хотелось приготовиться к одной какой-нибудь части более, нежели к другой, иначе я бы ни в чем не успел порядочно, а за поверхностными знаниями не за чем было ездить в Геттинген; этого добра и у нас довольно. <...> Мне кажется, что теперь в России всякой имеет право выбирать такой род службы, к какому он себя находит способным, и в царствование Александра I-го нельзя бояться, чтобы из генералов-инфантерии пожаловали кого-нибудь в генерал-прокуроры. Впрочем, я смотрю на предметы издали и могу легко ошибаться. <...> Только мне кажется это теперь невозможным, иначе зачем же, когда хотели наградить Карамзина, не произвели его по-прежнему в чин, а поручили талантам его сообразную должность русского Историографа?»¹⁶

Тургенев не без настояния родителей, которые с тревогой наблюдали за его «чрезмерным» увлечением науками, выбрал стезю государственной службы, но с очень существенной оговоркой: «Что же касается до моего определения к Ник[олаю] Ник[олаевичу] Новосильцову, <...> я этому очень рад, естли буду употреблен по делам учености».¹⁷

В 1806–1824 годах, в эпоху блестящего карьерного восхождения, когда он занимал высокие должности, это желание могло осуществиться только отчасти. Волею судеб он оказался определен «по делам учености» в тот период, который исследователи его биографии обычно именуют «годы странствий». Собственно археографическая деятельность — самостоятельная и целенаправленная, которая завершилась в начале 1840-х годов изданием «Актв исторических...», составивших Тургеневу имя в научном мире, началась в 1832 году. Между тем исследовательский сюжет, определивший его научную судьбу, завязался гораздо раньше — «путевку в жизнь» он получил от Н. М. Карамзина.

Карамзина и Тургенева объединяли многообразные личные и дружеские связи, восходящие еще к кругу И. П. Тургенева. Постепенно почтительное, сдержанное отношение к историографу сменилось у Тургенева и его ближайших друзей, прежде всего у Жуковского, чувством благоговейного почитания. О «культе Карамзина» написано много и в разных жанрах.¹⁸

Существует внушительный корпус документальных материалов, который раскрывает картину их взаимоотношений.¹⁹ Центральное место принадлежит письмам Карамзина к Тургеневу; впервые они были опубликованы М. П. Погодиным в 1855 году, а в 1899-м изданы с дополнениями и уточнениями В. И. Сайтовым.²⁰

Сосредоточившись на изучении личных, дружеских, литературных связей, исследователи практически обошли вниманием важнейшую ипостась взаимоотношений Карамзина и Тургенева — их научное общение, столь ярко запечатлевшееся в письмах, опубликованных Сайтовым. Можно утверждать, что переписка Карамзина и Тургенева

¹⁵ Имеется в виду Канцелярия товарища министра юстиции Н. Н. Новосильцева, куда Тургенев был «перемещен» из Архива Коллегии иностранных дел в апреле 1805 года (из формулярного списка от 1839 года: Ед. хр. ст. 1234. Л. 1 об.). Шлецер, узнав о предполагаемом месте службы Тургенева, писал: «Я вовсе не безутешен: и в политической, и в придворной карьере <...> Вы всегда останетесь неоценимы для русской истории, Вы будете там (на службе. — Н. Х.) изыскивать работников в более низких классах, ободрять и наставлять их» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 305–306; письмо от 18 (30) июля 1804 года; перевод наш. — Н. Х.).

¹⁶ Там же. С. 146–147. *A peu près (фр.)* — почти, приблизительно.

¹⁷ Там же. С. 134 (из письма родителям от 28 декабря 1803 года).

¹⁸ См., например: *Ларионова Е. О. Н. М. Карамзин по материалам архива братьев Тургеневых // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 132–167.*

¹⁹ Там же. См. также: *Карамзин Н. М. Письма к братьям. 1786–1826 / Сост., подг. текста и прим. В. А. Сукайло. Ульяновск, 2013. С. 605–621; Сапченко Л. А. Зеркало души: Н. М. Карамзин по его письмам. Ульяновск, 2016.*

²⁰ Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу / Публ. <М. П. Погодина> // Москвитянин. 1855. Январь. № 1; Декабрь. № 23–24; Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу / Публ. В. И. Сайтова // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1–3; Т. 98. № 4. Об истории этой публикации см.: *Новонайденные письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу / Вступ. статья, подг. текста и прим. Н. А. Хохловой // XVIII век. СПб., 2020. Вып. 30. С. 413–448.*

была в значительной степени научной. О правомерности темы «Тургенев — помощник Карамзина в подготовке „Истории государства Российского“» заявлялось не раз, но до сих пор она остается неразработанной. Так, например, А. А. Сабуров писал о Тургеневе: «В период петербургской жизни (1806–1825 гг.) он <...> успевал помогать Карамзину в собирании источников русской истории, и еще неизвестно, какова его доля в труде знаменитого историографа».²¹

Карамзин особенно нуждался в помощи своих друзей, в том числе Тургенева, до переезда в Петербург (1816) и до блестящего успеха, которым ознаменовался выход в свет первых восьми томов «Истории государства Российского» (1818). В лице Тургенева он обрел не только безусловного почитателя и эрудированного помощника, но и весьма сановного петербургского «поверенного в делах» — как научных, так и житейских.

Связи Тургенева, прежде всего с Н. Н. Новосильцевым, курировавшим работу историографа, собственный интерес к историческим изысканиям, богатая личная библиотека,²² а также административные полномочия, которыми он был наделен как один из руководителей Министерства духовных дел и народного просвещения, позволяли выполнять многочисленные поручения Карамзина по отысканию необходимых книг и рукописей. «Карамзин с тех пор, как начал писать Историю, — утверждал М. П. Погодин, — все нужные для себя книги получал посредством Тургенева, который посылал ему иные даже без его указания и тем содействовал очень много успеху его труда».²³ Поиск источников для «Истории государства Российского» и их критика — одна из центральных тем их переписки.

С ней тесно связана другая. Тургенев, по собственному выражению, «старался быть посредником между теми, кои в то время разрабатывали темное поле древней российской истории <...> и нашим историографом».²⁴ Как ранее он помогал поддержанию научных контактов между Шлецером и Карамзиным,²⁵ так в описываемый период стал посредником между историографом и высоко им чтимыми петербургскими академиками А. Х. Лербергом, Ф. И. Кругом, Х. Д. Френем. (Здесь уместно отметить, что общее руководство делами Академии наук осуществлялось Департаментом народного просвещения «Объединенного министерства».)

Важнейший эпизод научного общения с Карамзиным связан с приобретением Тургеневым так называемых «Актов Альбертранди», которые вошли в корпус источников «Истории государства Российского». Фактическая сторона этого события достаточно известна; между тем его значение для археографической деятельности самого Тургенева, более того, для его личной и служебной биографии не оценено.

25 ноября 1809 года он писал брату Николаю, студенту Геттингенского университета: «На сих днях приехавший из Москвы Александр Я[ковлевич] Булгаков, который также со мною живет, привез мне славную рукопись, состоящую из 72-х пиес, выписанных из Ватиканской библиотеки по повелению последнего Короля Польского тогдашним аббатом, а после бывшим епископом Албертранди. Это единственное сокровище в Европе! Все сии выписки касаются только русской истории и сношений наших с Папским и Польским двором, начиная с 1075-го по 1672-й год. Булгаков позволил

²¹ Сабуров А. А. Александр Тургенев. С. 22.

²² 2 ноября 1809 года Тургенев писал брату Николаю Ивановичу: «Когда мы, наконец, все соберемся под одну кровлю, наши книги составят прекрасную и редкую библиотеку. Моими книгами пользуется даже Императрица. <...> Впрочем, это мое единственное утешение, и книги мои приносят мне даже пользу по службе. Я работаю по таким частям, для которых материалы только у меня есть» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 402).

²³ Воспоминание М. П. Погодина об А. И. Тургеневе // Русский архив. 1910. Кн. 1. № 3. С. 461.

²⁴ Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1. С. 227.

²⁵ В последние годы жизни Шлецера, в 1808–1809 годах, Тургенев поддерживал связь с ним через брата Николая Ивановича, в ту пору студента Геттингенского университета (см.: Письма к Николаю Ивановичу Тургеневу в Геттинген. 1808–1810 гг. // Архив братьев Тургеневых. Вып. 2. С. 357–440).

мне списать с этого копию. Выписки писаны собств. рукою Альбертранди на латинском, итальянском и польском языках».²⁶

Владельцем рукописи был известный русский дипломат Я. И. Булгаков. Будучи послом России в Варшаве в 1790–1792 годах, он получил ее в дар от польского короля Станислава Понятовского (или, по сведениям Тургенева, от самого Альбертранди (Ед. хр. ст. 1076. Л. 54)). Выйдя в отставку, Булгаков поселился в Москве. Александр Иванович был вхож в гостеприимный дом этого просвещенного вельможи, а его сыновья — впоследствии знаменитые почт-директоры А. Я. и К. Я. Булгаковы — были его «вечными спутниками», начиная с Архива Коллегии иностранных дел. Я. И. Булгаков скончался 7 (19) июля 1809 года, и его сын, зная об увлечении Тургенева, показал, а позже подарил ему раритет из богатого книжного собрания отца.

Оказавшиеся в руках Тургенева «Акты» были лишь частью обширного наследия Яна Баптиста Альбертранди (1731–1808), о котором писал, в частности, Н. А. Полевой: «Имя Альбертранди должен с почтением произносить каждый историк как имя трудолюбца беспримерного. Посвятив всю жизнь свою собиранию исторических материалов, он долго занимался Ватиканским архивом, объехал Польшу, Германию, Швецию; всюду сам, своею рукою списывал акты и оставил, как говорят, более ста огромных фолиантов мелкой скорописи всего им собранного. Трудолюбие непостижимое! Альбертрандиевы выписки драгоценны еще тем, что он был приготовлен к труду обширным учением. <...> том собрания его, находившийся у г-на Тургенева, <...> был одним из самых важнейших пособий Карамзину, а между тем материалы для русской истории Альбертранди собирал мимоходом, ибо главный предмет его был история Польши».²⁷

Карамзин пользовался «Актами» при работе над III и VII–XII томами «Истории государства Российского». Историограф подверг их научной критике — известны его замечания на «Акты» (они вошли в публикацию Саитова в качестве дополнений).²⁸ «С удовольствием сообщу вам, — писал Карамзин Тургеневу 27 июня 1814 года, — некоторые замечания на грамоты булгаковские <...> Хвалю ваше намерение издать их: это полезно и нужно».²⁹ В одном из примечаний к девятому тому «Истории» Карамзин вполне определенно анонсировал будущую книгу: «Сии любопытные бумаги на языке лат<инском>, итал<ьянском> и польском скоро будут изданы Александром Ивановичем Тургеневым с русск<им> переводом».³⁰

Эти строки сыграли в биографии нашего героя значительную роль. Восприняв их как завещание историографа, он заверял: «Постараюсь исполнить священную для меня волю».³¹

Служебная деятельность Тургенева пришлась на время государственных реформ Александра I, на эпоху создания министерств (1802), учреждения Государственного совета (1810), активной деятельности Комиссии составления законов,³² надежд на преобразование России в конституционную монархию. В этот период служба отнюдь не была рутинной. Она давала возможность практической реализации либеральных устремлений, накопленных знаний, кипучей энергии молодого Тургенева. Впоследствии он

²⁶ Там же. С. 403.

²⁷ [Полевой Н. А.]. <Рец. на кн.>: *Historica Russiae monumenta... Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек* д. ст. сов. А. И. Тургенева. Ч. I. СПб., 1841 // *Русский вестник*. 1842. № 2. Разд. 3. С. 112–113.

²⁸ Указатель статей в сборнике: «Извлечение из библиотеки Ватикана» с примечаниями историографа // *Русская старина*. 1899. Т. 98. № 4. С. 235–238 (автограф: Ед. хр. ст. 125. Л. 124–126 об.).

²⁹ Там же. Т. 97. № 2. С. 466.

³⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1821. Т. IX. С. 146 (прим. 408).

³¹ Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу // *Русская старина*. 1899. Т. 97. № 2. С. 466 (прим. Тургенева к упомянутому письму Карамзина от 27 июня 1814 года).

³² Во главе Комиссии в 1803–1811 годах стоял Н. Н. Новосильцев, а затем М. М. Сперанский, после опалы которого с 1812 года место ее директора занял совет из трех членов, одним из которых был Н. И. Тургенев.

писал: «Жизнь нашего Александра была лучшим временем нашей жизни; время наших надежд, нашей деятельности принадлежит его веку; он был слит со всем нашим лучшим».³³

1806–1816 годы — период стремительного карьерного роста Тургенева (в 1806-м — коллежский асессор; в 1816-м — действительный статский советник). Вся его служебная деятельность была связана с высшими законодательными и административными органами. Согласно формулярному списку, с 1806 по 1826 год он служил в Комиссии составления законов (помощником референдаря, членом Совета, ст. членом Комиссии). Для нашей темы важно, что в качестве помощника референдаря он главным образом занимался историей русского права.³⁴ В Государственном совете исполнял должность статс-секретаря Департамента законов (1812–1825, с перерывами). С момента учреждения Главного управления духовных дел иностранных исповеданий (1810), а затем преобразования его в «объединенное министерство» духовных дел и народного просвещения был директором Департамента духовных дел (1817–1824).

Тургенев состоял в более или менее тесных служебных отношениях со многими государственными деятелями Александровской эпохи: Н. Н. Новосильцевым, М. М. Сперанским, П. В. Лопухиным, А. Н. Голицыным, а также с представителями высшего церковного клира. Как правитель дел Женского патриотического общества, созданного в 1812 году попечением императрицы Елизаветы Алексеевны, был известен в кругу самых влиятельных петербургских дам.³⁵ В 1807 году во время поездки Александра I в Тильзит находился в его свите. К 1820 году он был кавалером четырех орденов: Св. Владимира 2-й, 3-й и 4-й степени и ордена Св. Анны 2-й степени; в 1818-м (вслед за Карамзиным) удостоен звания почетного члена Академии наук.³⁶ В 1819 году пожалован в камергеры.

Почти вся служебная деятельность Тургенева прошла под начальством кн. Александра Николаевича Голицына (1773–1844). Она продолжалась с 1810 по 1842 год, исключая «бессрочный» отпуск (1825–1831). Будучи одним из первых лиц государства, Голицын стал для своего подчиненного могущественным покровителем. Отношение князя к Тургеневу было окрашено глубокой личной симпатией, а участие в судьбе полуопального «брата декабриста» после катастрофы 1825 года было поистине отеческим. Голицын известен как выдающийся государственный деятель эпохи Александра I: обер-прокурор Св. Синода (1803–1817); член, а в отдельные периоды — председатель Государственного совета; главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий (1810–1817); председатель Библейского общества (1813–1826); министр духовных дел и народного просвещения (1817–1824); член Следственного комитета и Верховного уголовного суда над декабристами; главноуправляющий Почтовым департаментом (1819–1842); канцлер российских орденов (1830–1842).

Переписка Голицына с Тургеневым имеет внушительный объем — более 30 единиц хранения, содержащих около 230 писем.³⁷ Тем не менее история их взаимоотношений практически не исследована. В связи с этим служебная биография Тургенева известна только до 1824 года; картина его археографической деятельности существенно искажена; влияние Голицына на его религиозные, духовные воззрения не изучено, как недооценены и важные черты его психологического портрета. Причина подобного упущения лежит в идеологической сфере: фигура Голицына, мистика, «гасильника

³³ Из письма С. И. Тургеневу при получении известия о кончине имп. Александра I (Ед. хр. ст. 775. Л. 3 об.).

³⁴ «Определен <...> для преподавания эклектического юридического курса учения и вместе с тем помощником директора высшего Училища правоведения» (из формулярного списка: Ед. хр. ст. 1234. Л. 1 об. — 2 об.).

³⁵ Был уволен от этой должности 26 июля 1825 года.

³⁶ Карамзин был избран 28 января, а Тургенев — 18 февраля 1818 года (Модзалевский Б. Л. Список членов Императорской Академии наук. 1725–1907. СПб., 1908. С. 86).

³⁷ В частности, ед. хр. ст. 1059¹², 1063^а, 1076, 1076^д, 1102^а, 1103⁴, 1992.

просвещения», была крайне неудобна в советский период.³⁸ В наше время интерес к нему возрождается.³⁹

К концу 1810-х годов духовная жизнь России во всех своих институтах (официальные учреждения, общества, учебные заведения, цензура) оказалась в ведении Голицына. В 1810 году было создано особое ведомство — Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий. Будучи обер-прокурором Св. Синода, его возглавил Голицын, директором исполнительного органа (департамента) стал Тургенев.⁴⁰ Так началась его служба при князе, продлившаяся, как уже упоминалось, почти до конца жизни.

С 1813 по 1826 год в России действовало Библейское общество. Инициатором его учреждения и бессменным президентом был Голицын, а секретарями — Тургенев и В. М. Попов.⁴¹ «За несколько лет работы, — пишет Ю. Е. Кондаков, — Российское библейское общество негласно стало важнейшим учреждением империи. <...> Активными членам Библейского общества давались награды и чины, многие таким образом делали карьеру».⁴²

Следующий этап служебной деятельности Тургенева связан с Министерством духовных дел и народного просвещения (1817–1824). Именно это поприще выдвинуло его в ряд государственных деятелей России.

Объединить управление духовной сферой и сферой просвещения следовало на основании монаршей доктрины: «...Чтобы христианское благочестие состояло всегда основанием истинного просвещения, а просвещение способствовало сему благочестию».⁴³ Структура Министерства отвечала идее его создания — оно состояло из двух департаментов: духовных дел и народного просвещения. Директором первого Департамента (духовных дел) был Тургенев. В мероприятиях Министерства, начиная

³⁸ Вот только некоторые иносказательные характеристики Голицына, встречающиеся в переписке и мемуарах: «известный придворный шут», «типичный иезуит», «покровитель иллюминатов», «милосердный христианин».

³⁹ Сошлемся на монографию Ю. Е. Кондакова «Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин» (СПб., 2014). По мнению автора, Голицын был прежде всего придворным, фаворитом. Друг детства и юности будущего императора, он был воспитан при дворе Екатерины II и впоследствии пользовался исключительной доверенностью венценосных особ — Александра I и Николая I. От других фаворитов — А. А. Аракчеева и М. М. Сперанского его отличало то, что он был не просто лично предан императору, но относился к нему с чувством любовного обожания, ревниво отстаивая свой приоритет на монаршее внимание. Близость к императору и борьба за нее стали «двигателями карьеры князя» (с. 16). Анализируя природу этих стремлений, исследователь апеллирует в том числе к широко известному факту гомосексуальных наклонностей князя (в связи с этим обычно упоминается эпиграмма Пушкина «На кн. А. Н. Голицына»; 1822). С 1806 года Сперанский начал «теснить» Голицына, который не мог противостоять ему в сфере реформ и законодательства. Уловив дух времени и все более возрастающую тягу Александра I к мистицизму, Голицын избрал особое поле для нового сближения с императором — поле духовных поисков, пророчеств, мистических предсказаний.

⁴⁰ См.: Аранов Д. Ю., Пономарев В. П. Департамент духовных дел иностранных исповеданий // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 14. С. 419–420. Назначение Тургенева последовало 3 сентября 1810 года «с оставлением и в Комиссии законов» (из формулярного списка: Ед. хр. ст. 1234. Л. 3 об.).

⁴¹ В задачи Тургенева как секретаря Общества входили составление годовых отчетов и переписка с отделениями обществ. В этой связи несомненный интерес представляет письмо-отклик Тургенева на известную речь М. Ф. Орлова в киевском отделении Библейского общества в августе 1819 года. Сообщая об «истинном удовольствии», полученном от чтения речи, он отклонил просьбу М. Ф. Орлова о ее публикации в «Русском инвалиде»; равно как и его ходатайство об употреблении средств Библейского общества на содержание ланкастерской школы в Киеве. По мысли Тургенева, «занятия Библейского общества» не следует смешивать «с предметами других обществ» — они идут «к одной, может быть, цели», но «разными путями» (Ед. хр. ст. 1456. Л. 1). В период заграничных странствий Тургенев вновь стал членом Библейского общества, куда его ввел барон де Сталь, муж Ж. де Сталь (Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / Изд. подг. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964. С. 88).

⁴² Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. С. 92.

⁴³ Там же. С. 105.

с разработки манифеста об его учреждении,⁴⁴ он был «правой рукой» Голицына. Впоследствии свои «правила и главные действия <...> по Департаменту духовных дел» Тургенев «изобразил» в обширном письме-отчете Александру I.⁴⁵ В фонде бр. Тургеневых отложились документы, относящиеся к делу о высылке иезуитов из России в 1820 году (Ед. хр. ст. 1154), к известному «делу Госснера» (Ед. хр. ст. 1308), переписка и другие материалы выдающегося эрудита пастора И. А. Фесслера, в судьбе которого Тургенев принимал участие (Ед. хр. ст. 1919), и многие другие.

Консервативный курс, возобладавший в политике Александра I в 1820-е годы, обеспечил успех наступления на Министерство Голицына так называемой «православной оппозиции», а в соединении с внешнеполитическими обстоятельствами стал причиной его падения (май 1824).⁴⁶

В связи с указом о расформировании Министерства Тургенев 19 мая 1824 года писал Александру I: «Семнадцатого текущего месяца, не предваренный никем, узнал <...>, что я снова имел несчастье подпасть гневу Вашего Императорского Величества и что причиною оному *формально* принесенная Вам на меня жалоба преосвященного митрополита Серафима. Слова сии поразили меня».⁴⁷ П. А. Вяземскому спустя два дня он сообщал: «Я — жертва лжи и клеветы самой гнусной, почти невероятной. Тебе признался бы я во всем; но говорю искренно, что и тени правды нет во всех обвинениях митрополитом формально, лично Государю, на меня особенно принесенных. Я уверен, что истина восторжествует и, может быть, очень скоро».⁴⁸ В чем так горячо оправдывался Тургенев? Сводились ли выдвинутые против него обвинения лишь к тому, что он «нетверд в православии»? Как сын известного масона, он естественным образом мог подпасть под подозрение. (По данным А. И. Серкова, Тургенев был членом «Ложы Полярной звезды», которая работала в 1807–1810 годах и была связана с Комиссией составления законов.⁴⁹) Но вероятнее, что либерального образа мыслей, которому Тургенев не изменил в наступившую консервативную эпоху, было достаточно для обвинения в политической неблагонадежности. Из письма московского генерал-губернатора Д. В. Голицына А. А. Аракчееву от 18 ноября 1824 года явствует, что за ним был установлен тайный надзор.⁵⁰

Мы не располагаем сведениями об увлечении Тургенева мистицизмом, хотя знакомство с его adeptами не подлежит сомнению и могло произойти, так сказать, «домашним образом».⁵¹ Тургенев жил с братом Николаем на казенной квартире в доме Министерства духовных дел и народного просвещения (ныне: наб. Фонтанки, д. 20). Голицын занимал здесь два этажа, поэтому в обиходе часто этот дом именовался «домом Голицына» (например, Карамзин многие письма Тургеневу адресовал именно

⁴⁴ Подробнее см.: Там же. С. 107.

⁴⁵ Всеподданнейшее собственноручное письмо действительного статского советника Александра Тургенева от 19 мая 1824 г. // Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I (с 1807–1829 год) / Сост. Н. Дубровин. СПб., 1883. С. 384–388.

⁴⁶ Архимандрит Фотий, член триумvirата, возглавившего «оппозицию», в нападках на Тургенева, доходивших до требования его отставки, мог руководствоваться и личными мотивами: в 1820 году «после одной проповеди в Казанском соборе, обратившей на себя внимание директора Департамента духовных дел А. И. Тургенева, Фотий был удален из столицы и назначен настоятелем Деревяницкого монастыря близ Новгорода» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2016. Т. 2. Кн. 2. С. 961* (комм. к эпиграмме «<На Фотия>»)).

⁴⁷ Всеподданнейшее собственноручное письмо действительного статского советника Александра Тургенева. С. 384.

⁴⁸ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 46.

⁴⁹ *Серков А. И. Русское масонство. 1731–2000: Энциклопедический словарь.* М., 2001. С. 814, 1088.

⁵⁰ Перевод всеподданнейшего письма князя Дмитрия Голицына 18 ноября 1824 года // Письма главнейших деятелей в царствование Императора Александра I. С. 394.

⁵¹ Сошлемся на суждение Д. Н. Свербева, который полагал, что из дневника Тургенева «...открылись бы нам подробные сведения о библейских обществах, о тогдашних мистиках — Лабзине, Голицыне, г-же Крюденер и Татариновой, равно как и о смертной борьбе с ними изуверов Шишкова и Фотия...» (*Свербеев Д. Н. Мои записки / Изд. подг. М. В. Ватшев, Б. П. Краевский, Т. В. Медведева.* М., 2014. С. 493).

так). Бытие этого дома в конце 1810-х — начале 1820-х годов представляет собой историко-культурный феномен, требующий специального изучения. Достаточно сказать, что в его стенах собирались «интимный кружок» Голицына,⁵² Библейское общество, члены «Арзамаса», кружок, сформировавшийся вокруг Н. И. Тургенева и ставший одним из самых значительных центров «либерализма». Не является ли подобная амальгама символическим отражением эпохи Александра I?

Несомненный сторонник просвещения, Тургенев оказался у руля ведомства, прославившегося своим обскурантизмом. Как он относился к чисткам университетов, к разгрому Царскосельского лицея, к драконовской цензурной практике, возобладавшим при Голицыне? Формально Тургенев не отвечал за эти действия — они находились в компетенции Голицына как главы ведомства и В. М. Попова, директора Департамента народного просвещения. Можно утверждать, что перечисленные деяния, получившие резко отрицательную оценку современников (причем с обеих сторон — либеральной и консервативной), не омрачили отношений Тургенева с его патроном, хотя «побуждали огорчаться тем, что он (Голицын. — Н. Х.) часто по части просвещения делает».⁵³ С некоторой досадой Тургенев писал Вяземскому: «Я не имел счастья жить в твоей чистой атмосфере, то есть с средствами личной независимости, но не провознял и на Фонтанке и остался чистым Арзамасцем, не изменил ни одному».⁵⁴ Остаться «на Фонтанке» «чистым Арзамасцем» — значит быть человеком компромисса. Это качество, как мы увидим далее, стало спасительным не только для него самого, но и для его близких.

Высочайшим указом от 12 августа 1825 года Тургенев был «уволен для излечения болезни в чужие края бессрочно». За границу он выехал месяцем раньше: «Прости, Россия, обожаемое отечество, — записал он в дневнике 14 июля, переехав границу. — Что бы ни было со мною, в тебе и вне пределов твоих, везде я сын твой, везде будет биться Русское сердце во мне, и жизнь 25 лет, службе твоей посвященная, — тебе же посвятится...» (Ед. хр. ст. 3. Л. 4). Это были не сакраментальные фразы сентиментального путешественника, а обет, которому Тургенев следовал до конца жизни.

Относительно заграничного периода его биографии существует убеждение, что после 1824 года он нигде не служил; был непримиримым оппозиционером;⁵⁵ собирал источники по истории России как историк-энтузиаст. Все эти положения или неверны фактически, или нуждаются в существенной корректировке.

«Бессрочный» отпуск продолжался шесть с половиной лет: с августа 1825-го по январь 1831 года. Это был именно отпуск, а не отставка. Впоследствии в одном из ходатайств за Тургенева Голицын писал: «...он в отставке вовсе никогда не был, напротив, даже в течение бессрочного отпуска состоял на службе и пользовался всеми окладами прежних штатных мест, какие занимал по Государственному совету и под моим начальством по Министерству духовных дел» (Ед. хр. ст. 1990. Л. 1 об.).

Падение Министерства не стало крахом карьеры Голицына. Указом от 15 мая 1824 года он увольнялся от управления Министерством с оставлением в должности главноуправляющего над Почтовым департаментом (каковую исполнял с 1819 года).

⁵² К нему принадлежали мистики и «пророки» Р. А. Кошелев, П. Д. Маркелов, А. И. Ковальков, исповедовавшие «внутреннее» христианство с его «келейной» практикой, к которой был приобщен и Александр I (совместные моления Голицына с императором изображены Д. С. Мережковским в романе «Александр I»).

⁵³ Цит. по: *Рудницкая Е. Л.* Александр Иванович Тургенев. С. 33. В 1821 году по поводу «дела профессоров» Петербургского университета Н. И. Тургенев писал: «...Суд над профессорами ужасен не по лицам, которые его производят, но по духу, кот<орый> он свидетельствует» (Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. С. 304).

⁵⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 351.

⁵⁵ М. И. Гиллельсон писал: «Пожалуй, трудно найти, кроме А. И. Тургенева, другого деятеля, который бы так неизменно выказывал свое отрицательное отношение к политике Николая I на протяжении двух десятков лет; в свою очередь, царь и его ближайшее окружение настороженно и неприязненно относились к нему...» (*Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев А. И. Хроника русского. С. 455).

«На целые десятилетия, — утверждает Ю. Е. Кондаков, — Главное управление почт стало прибежищем масонов и розенкрейцеров. <...> На следующий день после увольнения А. Н. Голицына с занимаемых им постов он получил разрешение создать при себе Особую канцелярию. В этом новом учреждении Голицын мог вести любые дела, разрешаемые им непосредственно у императора. <...> Туда были переведены директор Департамента народного просвещения В. М. Попов, чиновник для особых поручений Соединенного министерства А. И. Ковальков, чиновники П. Д. Маркелов, Ф. И. Прянишников. <...> К почтовому ведомству были прикомандирован и директор Департамента духовных дел А. И. Тургенев. Все эти люди и при Николае I получали чины и награды, половина закончила службу в чине тайного советника».⁵⁶

Согласно формулярному списку, размер окладов Тургенева в период загранично-го отпуска составлял 9 тыс. руб., а изменения по службе были следующие: «Уволен из Комиссии законов по преобразованию ее во II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 4 апреля 1826 г.»; «Отчислен из ведомства Государственной канцелярии 14 июня 1827 г.»; «Оставаясь затем в одном Придворном ведомстве по званию камергера и не прерывая продолжения действительной службы общей с получением всех окладов прежних званий и мест, воспользовался предназначеною в 1822 году на 12 лет арендою, пожалованною с 12 апреля 1828» (Ед. хр. ст. 1234. Л. 6 об. — 8 об.).⁵⁷

Как видим, служба в данный период была номинальной, но приносила необходимые материальные средства ему самому и брату Николаю, который, как известно, после 1825 года фактически остался на попечении Тургенева. Все его помыслы были сосредоточены на попытках политического и гражданского оправдания Николая⁵⁸ и на болезни Сергея, который умер 1 июня 1827 года и был похоронен в Париже. При этом Тургенев вынужден был получать милости из рук тех, кто приговорил его брата к смертной казни — ситуация поистине драматическая... Особенно тягостно для него было придворное звание камергера.

С 1826 по 1831 год Тургенев буквально исколесил всю Европу. Первыми читателями его европейских корреспонденций были Карамзин, Жуковский, Вяземский. По настоянию последнего он стал активным вкладчиком «Московского телеграфа».⁵⁹ С самого начала в его письмах отчетливо обозначились археографическая и библиофильская темы.

Июльская революция 1830 года во Франции и вызванные ею меры российского правительства привели к неожиданному повороту в судьбе братьев. Всем находящимся во Франции русским подданным предписано было выехать из нее.⁶⁰ В их числе оказался и Тургенев, проживавший в Париже. Напротив, политический эмигрант Н. И. Тургенев, нашедший убежище в Англии, получил от правительства «короля-гражданина» Луи-Филиппа разрешение поселиться во французской столице. Отныне и до конца жизни Франция стала его второй родиной.

Таким образом братья оказались разлучены. Тургенев упорно искал способы, которые позволили бы им соединиться. В июне 1831 года он отправился в Россию. Эта поездка стала самым продолжительным — более года — пребыванием на родине (в Москве и Петербурге), где задержали имущественные дела.⁶¹ Не менее остро стоял

⁵⁶ Кондаков Ю. Е. Князь А. Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. С. 228–229.

⁵⁷ Сохранился черновик «Справки об окладах, получаемых с 1825 г.», составленной Тургеньевым по запросу Голицына в 1839 году (Ед. хр. ст. 1991). Особую группу представляют бумаги, касающиеся пожалованной Тургеньеву в 1828 году аренды (Ед. хр. ст. 1974–1982). Она состояла из двух имений («держав») в Виленской губернии — Линге и Герждоды.

⁵⁸ В архиве отложились подготовительные материалы, черновые и беловые рукописи всех трех редакций оправдательной записки Н. И. Тургенева (Ед. хр. ст. 117, 594, 702_а, 741_а, 762_б, 767, 1612, 1613).

⁵⁹ См.: Гиллельсон М. И. А. И. Тургенев и его литературное наследство. С. 461–462.

⁶⁰ См., например: Молок А. Царская Россия и Июльская революция 1830 г. // Лит. наследство. 1937. Т. 29–30. Русская культура и Франция. [Кн.] 1. С. 727–762.

⁶¹ С. П. Жихарев, дальний родственник и официальное доверенное лицо Тургенева, был уличен в махинациях и растратах. Нависла угроза потери значительной части движимого и не-

другой вопрос — следовало «придумать» должность, которая бы давала российскому подданному Тургеневу весомые в глазах правительства основания подолгу находиться за границей. Благодаря сохранившейся переписке можно детально проследить за тем, как в биографии Тургенева открылась новая страница.

Состояние отчаяния, которое он пережил во время пребывания в Москве, передает письмо Жуковскому от 5 сентября 1831 года: «...Что Голицын? Есть ли на него надежда, — и могу ли я рассчитывать на Париж или, по крайней мере, на Германию, хотя присутствие Николая и гроб Сережи и очень влекут меня в Париж; <...> до удобнейшего случая — у меня еще есть в виду Италия. <...> мне надобно избирать или сенаторское ничтожество в Москве <...> или деятельность в пользу некоторых частей управления там, где открыты для всего удобные и богатые средства. <...> готов я всего себя посвятить не литературе и не бесплодным занятиям какого-то чужеземного соглашения, но богадельням, но училищам и университетам, но больницам, но всему, что к какому-нибудь усовершенствованию полезного или к новому знакомству с полезным вести может, <...> я готов <...> донести <...> обо всем, что не укроется от моего энциклопедического взгляда. Лишь бы польза, надежда пользы, отдаленная надежда на отдаленную пользу, лишь бы не в тунеядстве для России жить там, где жизнь сноснее, чем в тунеядной Москве. — Я деревенею, я здесь тоскую беспрестанно по тем ежедневным занятиям, коими жили душа и ум почти 6 лет! <...> Отпустите, отпустите меня!»⁶²

Своему бывшему патрону он писал 23 декабря 1831 года: «Прослужив более 14 лет под начальством вашего сиятельства и не зная ныне, к кому я должен обратиться в затруднительном моем положении, прибегаю к вам. <...> Я решился, не кончив дел моих, ехать отсюда опять в чужие края для устройства находящегося там моего капитала. Отпуск мой бессрочный. <...> Если запрещение русским жить во Франции еще существует, то я свято буду <...> сообразоваться с оным; но осмеливаюсь представить вашему сиятельству, что как устройство дел моих, так и спокойствие духа за <...> судьбу оставшегося моего брата требуют моего присутствия в Париже, и позволение на сие принял бы я как благодеяние. <...>

Как бы ни решилась участь моя, — везде сохраню верную преданность государю и уставам его; верную, святую любовь к отечеству <...> Приведите, милостивый государь, на память мою жизнь под вашим начальством и дайте мне свидетельство по сердцу вашему и по правде, которую видит Бог. <...>

По силам моим я старался не терять времени и в чужих краях: осматривал, замечал, собирал, описывал многое общепользное. Когда страшная для России година наступила и холера в ней начала свирепствовать, — я не оставался в праздности. По совещании с медиками в Париже и Лондоне я выслал их мнения и все, что только мог найти в публичных и частных библиотеках <...> Я <...> почту себя счастливым, если меня удостоит употребить там на дело, смотря по способностям моим».⁶³

Ответ Голицына последовал 31 января 1832 года. Он извещал, что А. Х. Бенкендорф «доложил Государю все то, что Вы мне писали в рассуждении отъезда в чужие края <...> как и расположение Ваше не иначе ехать в Париж, как с Высочайшего разрешения». Ответ Николая I (в пересказе Бенкендорфа), который Голицын приводит далее, был таков: «Его Величество позволяет ему <Тургеневу. — Н. Х.> выехать из России, но не желает, чтобы он отправился во Францию».⁶⁴ «После сего ответа, — продолжает Голицын, — я говорил Государю сам, и, получа на сие подтверждение, я предложил по вашему желанию быть полезным, давая сведения Министерству просвещения и внутренних дел по благотворительной части <...> Государь на сие согласился,

---

движимого имущества. Сохранился большой комплекс документов, относящийся к так называемому «делу Жихарева» (Ед. хр. ст. 305, 1335, 1363, 2150, 2151 и др.) Доверенность на получение жалованья Тургенев оформил в 1826 году на имя К. Я. Булгакова (Ед. хр. ст. 2279). Братья Булгаковы также были уличены в недобросовестности (*Жихарев С. П.* Записки современника / Изд. подг. С. И. Штрайх. М.; Л., 1934. Т. 2. С. 531).

⁶² Там же. С. 531–533.

⁶³ Два письма А. И. Тургенева А. Н. Голицыну // Русская старина. 1904. Т. 120. С. 714–715.

⁶⁴ В подлиннике по-французски.

только ему угодно, чтоб Вы сносились со мною, а я уже буду передавать по принадлежности...» (Ед. хр. ст. 2123. Л. 1–2 об.).

В ответ Тургенев 6 февраля 1832 года направил Голицыну два письма: официальное⁶⁵ и частное. Привожу последнее с небольшим сокращением по сохранившемуся в архиве черновику: «Я не ошибся в чувстве моего сердца и знал, кому вверил судьбу мою. Будущее мое для меня уже не так мрачно. Я могу жить и действовать естель и не в России, то для России; сею надеждою я вам обязан. Она усладит горесть одиночества и разлуки с отечеством. Даю вам слово не только не жить праздно, но и не празднословить вне России и отклонять от себя не только повод к малейшему справедливому упреку, но и к подозрению в моих правилах. Буду жить и действовать так, чтобы и самое сильное предубеждение против меня не могло ко мне привязаться. Но жизнь лучше, нежели слова мои, будет свидетельствовать за меня пред вами» (Ед. хр. ст. 1076. Л. 3–3 об.).

⁶⁵ Два письма А. И. Тургенева А. Н. Голицыну. С. 716.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-1-86-117

© Марк Альтшуллер (США)

ТРАГЕДИЯ БЫТИЯ И ПОИСКИ СПАСЕНИЯ «МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ» И «ПОВЕСТИ БЕЛКИНА»

Два пушкинских цикла «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии», как назвали их редакторы, создавались в знаменитую Болдинскую осень почти одновременно. И связь между этими двумя циклами прослеживается достаточно явственно, что неоднократно, но как-то вскользь отмечалось исследователями.¹ В предлагаемой работе мы попытаемся проследить эту связь более детально и последовательно. Вначале рассказывается о трагедиях, начиная с «Моцарта и Сальери», а затем анализируются возможные связи каждой из них с «Повестями».

Нужно сразу заметить, что «Маленькие трагедии» были задуманы Пушкиным гораздо ранее 1830 года. Существует список из десяти сюжетов. Три названия, несомненно, относятся к будущим маленьким трагедиям:

Скупой («Скупой рыцарь»)
Моцарт и Сальери
Д<он> Жуан

¹ См., например: «Два своеобразных цикла — драматический и прозаический — создаются почти одновременно и во многом сходны по художественной проблематике, — сходны и в своих глубинных основах и даже внешне» (*Вацуро В. Э.* Записки комментатора. СПб., 1994. С. 31); «Перед „Маленькими трагедиями“ были написаны „Повести Белкина“, и в них опробывалось другое, не трагическое, а эпическое пространство, пространство счастливых развязок, в котором всему в конце концов находится свое законное место. Не случайно в повестях Белкина это представлено в формах несколько условных и идеальных. Эпический порядок, сулящий личное счастье, — только искомое и желаемое. Прийти к нему как к полнокровной реальности невозможно, минуя те трагические конфликты, с которыми уже сплетена жизнь» (*Беляк Н. В., Виротайнен М. Н.* «Маленькие трагедии» как культурный эпос новоевропейской истории // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 79). Специально этой проблеме посвящена маленькая статья С. Давыдова, которая начинается словами: «„Повести Белкина“ и „Маленькие трагедии“ роднит ряд созвучных мотивов» (*Давыдов С.* Тайны счастья и гроба: «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии» // *Континент.* 1999. № 4 (102). С. 380–387).